

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 372–376
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 372–376
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-372-376>

Научная статья
УДК 811.161.1'373.22(470.44)

Историческое событие в структуре диалектного текста

Ю. В. Каменская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Каменская Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, kamenskayajv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8430>

Аннотация. В статье рассматривается актуализация фрейма «историческое событие» в диалектном дискурсе на материале двух подкорпусов Саратовского диалектологического корпуса. Определена структура фрейма, выявлены слоты, формирующие данный фрейм, проанализирована степень их наполнения. Особое внимание уделено влиянию внеязыковых факторов, обуславливающих концептуализацию фрейма.

Ключевые слова: диалектный дискурс, традиционная народная культура, фреймовый анализ, Саратовский диалектологический корпус

Для цитирования: Каменская Ю. В. Историческое событие в структуре диалектного текста // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 372–376. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-372-376>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A historical event in the structure of a dialect text

J. V. Kamenskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Julia V. Kamenskaya, kamenskayajv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8430>

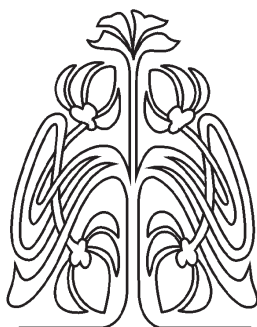
Abstract. The article considers a frame 'a historical event' being actualized in the dialect discourse on the material of two sub-corpora of Saratov dialectological corpus. The frame structure is established, the slots making up this frame are identified, the degree of their filling-up is analyzed. The author puts special emphasis on the influence of extra-linguistic factors that determine the frame conceptualization.

Keywords: dialect discourse, traditional folk culture, frame analysis, Saratov dialectological corpus

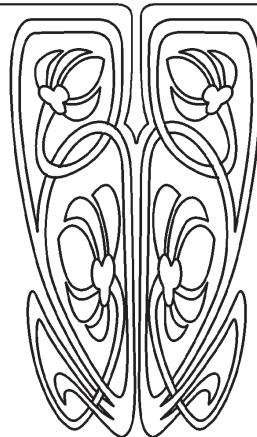
For citation: Kamenskaya J. V. A historical event in the structure of a dialect text. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 372–376 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-372-376>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современные диалектологические исследования все чаще обращаются к тексту, как основному объекту изучения, поскольку в центре любого диалектного текста находится жизненное пространство чело-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

века, а также осмысление себя в этом пространстве. Диалектный текст обладает способностью выступать средством трансляции традиции¹, культурно-исторических форм существования социума, быть единицей моделирования фрагментов картины мира. Вслед за В. Е. Гольдиным мы считаем событийность одной из важнейших категорий диалектного текста: «...мир воспринимается носителями традиционной народно-речевой культуры прежде всего в форме событий с человеком в их центре; этим человеком обычно является сам повествователь»². В рассказах диалектоносителей значительное место занимают события, отражающие повседневную жизнь или входящие в «жизненный круг» (рождение, свадьба, смерть, болезнь и т.д.), а также события-происшествия, оказывающиеся чем-то неожиданным, нарушающим или изменяющим привычный ход жизни. К меняющим жизнь обычного человека событиям относятся в том числе исторические события. Наше исследование посвящено особенностям концептуализации исторических событий в диалектной картине мира, специфике их включения в структуру диалектного повествования.

Феномен исторического события не имеет однозначной трактовки, мы под этим явлением будем понимать событие, произошедшее в прошлом, имеющее установленные временные рамки или конкретную дату, а также значимое для определенного социума, влияющее на его изменение и развитие. Концептуализация исторического события может быть смоделирована в виде фрейма. Структура фрейма включает следующие слоты: имя события, участники события, оценка события, время события (точная дата или указание на его начало и конец), атрибуты события, причины события.

Исследование проводилось на материале двух подкорпусов Саратовского диалектологического корпуса, включающих результаты диалектологических экспедиций 1999–2010 гг. в селах Саратовской области – Белогорное и Земляные Хутора. Использование корпусов текстов разных говоров позволяет выявить как универсальные, так и вариативные результаты концептуализации исследуемого фрейма.

Речевые жанры, в рамках которых чаще всего происходит актуализация фрейма «историческое событие», – это рассказ-воспоминание и рассказ-автобиография. По утверждению исследователей (О. Казакова³, С. Волошина⁴), эти жанры являются самыми распространенными в диалектной культуре. Нам кажется уместным уточнить, что это утверждение справедливо для типичной ситуации записи диалектного материала (диалектологическая экспедиция) и в том числе провоцируется вопросами диалектологов, ориентированных на прошлое: «Как вы жили? Как вы замуж выходили? И т.д.». Так или иначе, жанры рассказа-воспоминания и автобиографи-

ческого рассказа посвящены повествованию о прошлом, и упоминание исторических событий в них представляется закономерным.

Анализ материала двух говоров позволяет утверждать, что есть исторические события, являющиеся частью общей народной памяти (формирующие диалектную картину мира), а есть те, которые принадлежат коллективной памяти определенного говора или значимы для конкретного человека (создающие картину мира отдельного говора или индивидуальную картину мира).

К историческим событиям первого уровня отнесем **Великую Отечественную войну, перестройку и революцию**. Исторические события перечислены нами по принципу убывающей частотности. Самым упоминаемым историческим событием закономерно становится **Великая отечественная война**, которая совпала с периодом молодости многих информантов и изменила привычный ход жизни, повлияла на судьбу информантов и их семей:

Ну чё же вот мы в сорок первом решили приехать сюды в Саратов окрестить// ему в июне на работу/ мужу-то/ а в июне-то война// его сразу забрали/ и он сразу уехал// погиб он в сорок вторым году// вот я осталась здесь с троими детьми/.

А дедушка/ отец его родной/ без вести пропавший/ уж война-то тогда была/ война-то// прислали маме/ маме/ а нас у маме было вот трое// один у меня вот с тридцать шестого года в Саратове... в Самаре/ брат/ и я вот с тридцать девятого/ с тридцать девятого года// с сорок первого вот ещё последний брат вот погиб/ вот в Москве-то...

А муж её/ погиб/ в армии/ как мне он дядей доводится/ на фронте Великой Отечественной войны// и после войны... да/ я был призван в эту/ в армию/ в сороковом году/ до войны// в армию/ меня зачислили в полковую школу младших командиров//.

Данное историческое событие, как видно из приведенных примеров, коррелирует с событиями жизни информанта или его ближайших родственников, выступает в функции временного маркера или предопределяет развитие жизни информанта и его семьи. Слот «имя события» чаще представлен номинацией *война*: как показывает анализ материала, данная номинация используется диалектоносителями исключительно по отношению к Великой Отечественной войне. Собственно номинация «Великая Отечественная война» встречается редко, ее актуализация обусловлена, как в одном из приведенных выше примеров, идиолектным фактором: информант – ветеран войны, он привык рассказывать о данном событии на различных торжественных мероприятиях.

Слот «время» также хорошо заполнен, частотные актуализаторы связаны с началом войны (*июнь, двадцать второе июня, сорок первый год*). Нередко, как в приведенных примерах, по-

является временной маркер, указывающий на временную метку незадолго до исторического события (*тридцать девятый год, сороковой год, в мае сорок первого года* и т.д.). Это важный элемент концептуализации, он показывает то, что до наступления исторического события жизнь информанта или его семьи развивалась определенным привычным образом, а историческое событие резко изменило судьбу информанта или его ближайших родственников. Интересно, что во фрейме «историческое событие» слот «время» практически не включает номинации, маркирующие окончание события. Это наблюдение справедливо не только для исторических событий, которые объективно не имеют точной даты окончания (голод 1932–1933 гг., перестройка и т.д.), но и при упоминании такого события, как Великая Отечественная война, в нашем материале не актуализируется конечная временная точка.

Слот «оценка» актуализируется имплицитно, прежде всего – через слот «атрибуты» (гибель близких, военная служба, тяжелая работа, голод и т.д.). Характерно восприятие Великой Отечественной войны как некой стихийной силы, без ярко оценочного компонента.

Как событие, непосредственно влияющее на судьбу информанта и на жизнь всего социума (как деревенского, так и внешнего социума), воспринимается такое историческое событие, как **перестройка**:

Мы/пожилые люди/считаем/до перестройки лучше было// Сколько мы давали государству зерна// перевыполняли всегда план// Наши колхоз по заготовкам всегда передовым был// Молоко перевыполняли// а сейчас мы ничего// сейчас мы банкроты//.

По нашим наблюдениям, слоты фрейма при концептуализации этого исторического события заполнены частично. Слот «имя события» представлен основной номинацией *перестройка*, но он не всегда актуализирован в речи. Слот «время» характеризуется неполнотой заполнения: чаще всего в функции временного маркера выступает собственно номинация «перестройка», какие-либо даты или временные рамки появляются в речи диалектоносителей редко. В роли временного маркера используются также конструкции «при+имя руководителя страны» (*при Горбачеве, при Ельцине*).

Актуализация слота «участники события» обусловлена идиолектными особенностями – например интересом к общественно-политической сфере, что нехарактерно для диалектного дискурса в целом. Наряду с политическими деятелями эпохи перестройки (*Гайдар, Чубайс, Бурбулис, Аяцков* и т.д.) информантами упоминаются председатели колхозов, чья деятельность в этот период оценивается как неправильная, вредительская, разрушительная:

Ботникова например никто не знал отсюда/ он у нас был много пятнадцать лет/

*его никто не знал он сам ушел// потому что ему больше нельзя было тутой жить// он накрал и в Москве квартиры две купил и в Саратове две купил и в Аткарске купил// он чуял что его **посо-дуют** // а если б он честно руководил бы имел бы// по одной квартире на каждого жильца никто б его бы и он сам бы не убёг.*

Слот «оценка» содержит ярко выраженный негативный компонент, обусловленный тем, что данное историческое событие воспринимается как граница, отделяющая «правильную» жизнь от «неправильной», т. е. наблюдается актуализация оппозиции «норма/антинорма». Вероятно, можно утверждать, что историческое событие **перестройка** становится для диалектоносителей временным маркером, отделяющим прошлое от настоящего.

При концептуализации исторических событий в диалектном дискурсе обычно оказывается не заполненным слот «причина события». Актуализация этого слота обусловлена склонностью к рефлексии отдельных информантов. Необходимо отметить, что заполнение слота чаще всего противоречит исторической логике развития событий:

*И вот жизнь-то было наладили маленько/ только жизнь-то наладили/ наше поколение выросло-то к власти пришли// а тут **заявились демократы/ вспомнили дедушку бабушкой обидели когда-то// и перековырнули все/ и им все компенсаци все/ а у меня что были гробовые запасены/ вон Гайдар ваш любимый реформатор все в среб.***

Историческое событие **революция** появляется в рассказах диалектоносителей редко. Данное историческое событие далеко стоит во временном отношении, и это обуславливает особенности наполнения слотов. Слот «имя события» вербализуется стандартной номинацией *революция*, также используется устойчивое словосочетание «Советская власть». Слот «время» практически не актуализируется, временные рамки события или дата не указываются. Данное историческое событие редко выступает в функции временного маркера, прежде всего потому, что событие произошло давно, оно не влияло непосредственно на судьбу информанта. Слот «оценка» заполнен слабо, чаще всего событие не оценивается. В том случае, когда оценка эксплицитована, она обусловлена влиянием события на жизнь села:

*<...> но вот пришла **Советская власть**// спасибо Владимиру Ильичу Ленину// он восстановил было жизнью// он сравнял всех/ душа есть душа// у мальчика/ у девочки// и на всех **начали землю давать.***

В отличие от таких исторических событий, как **Великая Отечественная война** или **перестройка**, историческое событие **революция** актуализируется не в рамках речевых жанров «воспоминание» или «автобиографический рассказ», а в рамках жанра «рассказ об истории села»: *После революции в селе колхозы стали образовываться.*

Примерами исторических событий второго уровня, значимых для конкретного села, могут быть события, как имеющие только локальное значение, так и более широкого масштаба. Например, для села Земляные Хутора такими значимыми событиями стали **голод 1933 г. и крупный пожар, случившийся в селе в 1929 г.:**

– А у вас что родители погибли?

– Нет / в голодный год умерли в тридцать третьем году.

В тридцать третьем году голодовка была//
Лягушков ели.

– А бабушка не рассказывала с дедом, какие у них дома были?

– Такие же вот как мать выходила в этот дом так/ и мы же уж сгорели

– Сгорели?

– Да

– Это когда?

– В двадцать девятом году/ как начался колхоз/ у нас полсела сгорело но у нас было/ домов/ тыща домов/ большая села// сяло она называлось сяло а не деревня/ потому у нас церковь тута/ это называют сяло/ а деревня это маленькая деревушка//

– А сгорела вот эта часть села?

– Эта часть сгорела.

Исторические события, значимые для всей страны (голод 1932–1933 гг.), и события местного значения (пожар в селе Земляные Хутора 1929 г.) воспринимаются как сыгравшие значительную роль в жизни информантов и их семей, имеют яркий негативно-оценочный компонент. Необходимо все же отметить, что даже такие крупные в истории села исторические события, повлиявшие на его развитие (постройка новых домов, изменение порядков, улиц), актуальны не для всех информантов:

– А вот нам рассказывали у вас тут был пожар какой-то очень сильный?

– Ну это давно/ дочка/ я не знаю/ был//.

– А вы что-нибудь слышали об этом пожаре? Вам рассказывали?

– Не знаю/ я уже сама теперь старуха/ семьдесят четвертый год уже/ ничего не помню// Это вот нужно самых пожилых спрашивать кто знает много/ А у меня вот пятеро детей много очень/ всё время сама вот воспитывала/ а муж умер уже как тридцать два года умер.

Можно предположить, что для части информантов это происшествие не концептуализировано как историческое событие, поскольку фрейм не сформирован, не актуализированы слоты «время», «оценка», «атрибуты», «участники события».

Историческое событие, которое часто упоминается информантами из села Белогорного, – это событие далекого прошлого, благодаря которому образовалось село – **раскол Русской православной церкви:**

– Баб Маш, расскажите нам что вы помните вот о том, как село ваше образовалось?

– так// когда они поссорились из-за креста// у нас вот так церковь [показывает, как крестить]/ а у них вот так// и началась спор/ и до тех пор доспорилось/ что отец **Никон** умчался/ вот туда/ в долину/ и там поселились/ там вот сейчас три креста/ где они поселились/ и землянка была/ ну сейчас землянка та вся обрушилась// вот это начало//.

В этом фрагменте в сознании информанта фрейм данного исторического события сформирован частично. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что слот «имя события» включает описательные конструкции (в приведенном выше примере – *когда они поссорились из-за креста*), сама номинация *раскол* используется информантами редко. Слот «время» не заполнен, информанты не указывают дату или примерные рамки исторического события. В отличие от других исторических событий, хорошо заполнен слот «участники события» – используются номинации *климовцы*, *Климовы* (старообрядцы – основатели села), также в речи некоторых информантов появляется прецедентное имя *Никон*. Интересно, что в приведенном выше примере информант при актуализации прецедентного имени неверно интерпретирует его действия и роль в данном историческом событии. Слот «оценка» практически не заполнен, данное историческое событие не содержит в сознании диалектоносителей отрицательный или положительный оценочный компонент, но, безусловно, воспринимается как важное событие, выполняет функцию временного маркера «начало истории села». Частичная концептуализация рассматриваемого исторического события типична для наших информантов, точное содержание события встречается редко, обусловлено идиолектными особенностями (специальный интерес к истории села, наличие образования):

Раньше когда **раскол** был/ при... царе... при каком-то при царе... **при Алексее** что ли/ ну/ эдак вот/ на две веры/ раскололись/ староверы/ и нова вера... **при Никоне** это всё было// вот// значит и/ нас/ оттудова из Москвы/ прибежало двадцать семей/ в **Климов дол**.

Трагические события 30-х гг. XX в. отразились в нашем материале следующим образом: в корпусе текстов «Земляные Хутора» содержится упоминание исторического события «раскулачивание/коллективизация», а для Белогорного актуальным историческим событием той эпохи, наряду с раскулачиванием, становятся репрессии (прежде всего, верующих людей, священников, молельщиков):

В двадцать девятом году началось **раскулачивание/ и всё село-то/ разъехалось.**

Репрессировать – вот так дело-то было/ а потом – молельщиков которых/ вот здесь вот/ **Мишу Тяпкина**/ у него/ он **молещик**/ у него мать была/ её тоже/ в тюрьме/ за молене.

Эти исторические события имеют непосредственное влияние на жизнь близких родственников информантов, односельчан, и поэтому хорошо заполненным является слот «участники события»:

*У нас значит **председатель**/ вот этот пацан **Пустобаев** – он хлеб не хотел отдавать... то есть... верней... да/ государству не хотел отдавать/ а хотел хлеб раздавать/ ну колхозникам/ и вот этот/ хлеб потом/ из района/ там пришло/ постановление/ значит/ опять ёго значит этот хлеб отбирать/ а ёго/ этого вот самого как бы сказать/ это я так предполагаю/ хорошего-то коммуниста/ потом/ приписали ему статью как... за... это... как сговор с кулачеством/ ему приписали такое/ как вроде он это/ с кулачеством был связанный/ его расстреляли/ вот так// <...> а потом **Сталин**... **Сталин** сказал «враги среди нас»/ самых хороших коммунистов/ стали/ в тюрьмы гнать/ вот так дело было//.*

В качестве участников события указываются представители местной власти (как в роли репрессирующего субъекта, так и в роли жертвы репрессий), пострадавшие от репрессий родственники и односельчане, а также исторические деятели – прежде всего Сталин.

Исторические события, концептуализированные в рамках индивидуальной картины мира отдельных информантов, оказываются тесно связанными с событиями их жизни или с судьбой их родных:

*Вот я тама жила// и вперёд в ляльках/ потому что меня взяла чужая тётка-то/ та/ которая **от голода** отец спас **в двадцатом году**// там голод-то был!// а у нас больно овёс хорошо уродился/ вот блинами и кормила мать-то их!//*

*А практику-то проходила я **в тридцать девятом году**/ с **финнами** война-то была у нас в тридцать девятом/ кажется/.*

Информанты вписывают историческое событие (голод 1920–1921 гг., советско-финская война 1939–1940 гг. и т.д.) в повествование о своей жизни

или жизни своих родных, используют его как в функции временного маркера, так и в качестве катализатора последующих событий.

Таким образом, фрейм «историческое событие» в диалектном дискурсе характеризуется вариативностью репрезентации. Мы наблюдаем частичную заполненность отдельных слотов при актуализации различных исторических событий, обусловленную важнейшими принципами диалектной коммуникации – эгоцентричностью и антропоцентричностью⁵. Именно вследствие данных принципов слот «время», например, оказывается практически не заполненным при актуализации тех исторических событий, которые произошли давно и не связаны непосредственно с жизнью информанта и его семьи (революция, раскол Русской православной церкви), а слот «участники события» активно заполняется в рассказе о коллективизации и репрессиях 1930-х гг. Фреймовый подход позволяет выявить культурно значимые компоненты того или иного явления, выявить те элементы, которые концептуализируются в диалектной картине мира, и те, которые становятся лакунарными для данного социума.

Примечания

- ¹ См.: *Калиткина Г.* Диалектный язык как код традиционной культуры // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 24–29.
- ² *Гольдин В.* Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 3.
- ³ См.: *Казакова О.* Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск : Изд-во ТПУ, 2007.
- ⁴ См.: *Волошина С.* Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 11–14.
- ⁵ См.: *Гольдин В.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997.

Поступила в редакцию 07.08.2021, после рецензирования 26.08.2021, принята к публикации 01.09.2021

Received 07.08.2021, revised 26.08.2021, accepted 01.09.2021